

«Я не понимаю отношения к искусству как к какому-то житейскому режиму...»

Сегодня мы очень много, почти что все, знаем о литературных баталиях 20-х, 30-х, 40-х и 50-х, в которые было вовлечено имя и творчество Бориса Леонидовича Пастернака. И все-таки каждый новый факт — это не просто еще одна крупинка познания или еще один день, прожитый Поэтом. Это ток его живой крови, это излучение его энергии, это его стойкое и единственное желание в каждый момент жизни оставаться самим собой.

Предлагаемые вниманию читателей подробности нескольких часов жизни поэта взяты из стенограммы творческого вечера, который состоялся в клубе имени А. М. Горького 11 апреля 1982 года.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ В.С. ВИШНЕВСКОГО
...Я был в Москве в 1919 году. Помню оледенелый Кремль. Я не знал, как матросы тех лет написаны Пастернаком. Я недавно прочитал стихотворение «Матрос» Пастернака.

...Когда я читаю Пастернака «Матрос», я абсолютно погружаюсь в этот год, в эти ощущения и опять иду как матрос по Москве. Для этого надо быть большим художником, чтобы заставить всё переживать. У него много красок.

Я хочу сказать, что мир, жизнь мы принимаем не целиком, как Пастернак, мы, пожалуй, крепче его. Я думаю, что Пастернак, вероятно, пристально за нами наблюдает, наверное, он смотрит на нас со стороны. Я говорю, что он смотрит на нас, не на меня персонально, а на нас, художников, которые идут вперед в атаку на штурм искусства. Ко мне, вероятно, он отнесется с большим недоверием, ведь он не знал меня. Он думает, что вот сидит этот моряк с тяжелой челюстью, потом выйдет и будет стрелять кулаком.

Мы умеем бить, когда это необходимо, но мы и умеем чувствовать, когда это необходимо. Мы понимаем мир по-своему, мы чувствуем его по-своему, мы жадны, мы идем и берем все от старой культуры, мы тратим свое время, дни и ночи на то, чтобы войти в искусство так же свободно и уверенно, как ходит Пастернак. Уже потенция у нас рождается, мы умеем перестраиваться, мы уже начинаем это делать. Мы сделали одну войну, другую; мы, потерявшие громадное количество времени, входим сейчас в искусство...

Теперь, говоря об искусстве Пастернака, мне хочется сказать, что мы не заставляем говорить Пастернака на разные темы. Мы не заставляем Пастернака говорить о Первом Мая или о 7 ноября. Мы верим и знаем, что он придет сам к этому без наших особенных стараний (аплодисменты).

Пастернак чист. Пастернак прям, Пастернак пробует писать.

Все, что он пробует — его большое, взволнованное искусство, идущее из глубины человеческой, и я уверен, что если нам придется быть с ним в трудную минуту где-нибудь в море, — он будет с нами, и если мы ему скажем, помоги нам своим искусством, я верю, что он не откажется (позднее В. Вишневский, к сожалению, изменит свое отношение к Б. Пастернаку. — М. Г.).

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ А. СУРКОВА

Товарищи! Вот тут предыдущее выступление было закончено заявлением о том, что основное у поэта — честность. Честность — понятие чрезвычайно условное, и вот в тех прениях, которые здесь сегодня развернулись, и в частности, выступление моего товарища по организации товарища Вишневского, учета этого обстоятельства именно у него не было.

Мне трудно говорить потому что, имея такой органичной сложности явление в поэзии, как Пастернак, надо говорить не в таких условиях и не с такой подготовкой. Но тем не менее некоторые вопросы надо поставить и уточнить.

Здесь товарищи употребляли много военных сравнений и многие товарищи, которые бывали на войне, знают военную обстановку и в боевом и не в боевом окружении, когда, например, какой-нибудь товарищ говорит на митинге какую-нибудь ерунду, товарищи ему тогда кричат: «Ссыпайся, не то попер!» Так вот, мне хочется это сегодня применить к товарищу Вишневскому, что он «не то попер». То, что говорил Вишневский, для него, конечно, является бесспорным фактом. И это тем более меня огорчает и вот почему.

У нас в разграничении «своей» и «несвоей» имеется чисто классическое разделение: ты — буржуй, я — пролетарий.

И вот, когда мы подходим к таким вещам, как поэзия или проза, то мы подходим и спрашиваем: кто ты — материалист или идеалист?

...Мне нужно знать, с кем я имею дело, и с этой точки зрения разрешите мне сделать несколько замечаний о том, что я знаю.

Я Пастернака читал всего, знаю его поэзию. И вот у меня создается такое впечатление, что у Пастернака — мир в поэте, мир по своему произволу, который поэт окрашивает любимыми то-

нами, любимыми оттенками и т. д., и т. д. Вот с этой точки зрения можно говорить о том, что представляет собой творчество Пастернака и как можно понимать его.

От начала до конца, через все творчество Пастернака происходит расхождение миром по своему усмотрению, «так, как я хочу», устранение элементов объективности мира. И отсюда, скажем, например, даже тогда, когда имеются в некоторых стихотворениях (2—3-х) отзвуки сегодняшнего дня — говорится о плане, говорится о пятилетке и т. д., — то такое мировосприятие, абсолютное непонимание объективности, развития исторических процессов может поставить 1 мая наряду с Троицей. Я, может быть, говорю скучные вещи, но без этих скучных вещей нельзя разговаривать по существу.

Тогда как Пастернак разговаривает о живых процессах, происходящих в действительности, о живых столкновениях, живых представлениях того общества, которое его окружает, он в значительной мере теряет в выразительности и в силе. Зато в мире вещей подобного ему мастера, подобного художника редко можно встретить. Такой глаз, такое острое восприятие, такое своеобразное восприятие встречаются редко.

Но одним этим не обойдешься, и более того — не обойдешься тогда, когда имеется такое явление, что художник весь мир задвигает в свою комнату, придает ему запах своей комнаты. Это сказывается и в расцветке, и в раскраске, и в сравнении, и в метафорах. У меня нет под рукой выборон, но посмотрите основные сравнения — они комнатные. Правда, художественности от них не отнимешь.

...Мне приходилось бывать во дворцах около Ялты. И вот там, во дворце эмира Бухарского, есть одна вещь, сделанная из слоновой кости (она сделана в виде украшения комнаты), над которой человек работал семнадцать лет. Сделана она замечательно. Действительно, нечеловеческое произведение искусства. Но ведь это — музейная вещь — не больше. Я на все смотрел и удивлялся, но она меня не волновала.

И вот для нас, людей, которые видели жизнь вплотную, такой, какой она есть, которые видели огромные масштабы общественных событий, на таких людей поэзия Пастернака тоже не производит особого впечатления. Это красиво, это чисто, но это не волнует и не зажигает. Нам душно в одной комнате с поэзией Пастернака, потому что мы проверили масштабы и нас не обманешь, мы проверили на вкус и на запах окружающую нас жизнь, и вот, когда говорит о том, как быть на сегодняшний день с Пастернаком, то мне кажется, что Пастернак может по-настоящему войти в нашу жизнь, если крепко задумается.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ Б. ПАСТЕРНАКА

Мне предоставлено слово, и я им воспользуюсь.

...Само собой разумеется и понятно, что меня очень взволновали слова товарища Вишневского. ...Я не настолько объективен, чтобы просто поставить себя на взгляд критики, слушателя, очень высокого нравственного суда, который я бы принял и одобрил, под которым бы подписался. Я хочу сказать, что в настоящем художнике всегда на первом плане стоит человек. ...И все-таки большой художник, когда видит действительность кругом, он смешивает с теми авансами и правами, которые ему выдали. Но когда он попадает в такое настроение... надо брать за черную работу. Здесь многие употребляли метафорические сравнения — стрельба, баррикады. Для меня это не метафора. Я не люблю этого — по-толстовски. Если ты чувствуешь, что это чепуха, что это «плоды просвещения», тогда нужно все бросить. Если вы называете это трагичным, то скажите, пожалуйста, а разве искусство не трагично? Ведь имеются примеры действительно того, как люди отправляются в какие-то несуществующие путешествия, они не могут перестроиться, потому что они не сдвигаются ни с точки для этой перестройки, потому что нового искусства они не дали, его нет! А когда понемногу накапливается новое искусство, они думают, что оно душит.

Повторю, что как старый органический процесс искусство может понемногу накапливать какой-то новый угол, угол художественного зрения, но разумеется, что он есть и придет и он имеется.

Резюмируя то, что я сказал, я должен указать, что половины манеры и характера сегодняшнего обсуждения о современном искусстве я все-таки не понял, в частности, суждений некоторых о литературе.

Я не понимаю отношения к искусству как к какому-то житейскому режиму — вот будь у тебя то-то и ты лучше жил бы, если бы то-то доделал.

Искусство не такая вещь. Оно должно проваливаться, и оно страдает: что-то из этого получается.

Ну в конце концов я кончил.

Пастернак Б. П.

Э. С.